

18 Жайркелды Руспаев

Планета- волчок

Рассказы и сказки

Кайркелды Руспаев

**Планета-волчок.
Рассказы и сказки**

«Издательские решения»

Руспаев К.

Планета-волчок. Рассказы и сказки / К. Руспаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837371-8

Это сборник моих рассказов и притч, которые я называю сказками. В каждое произведение я вложил какую-то мысль, идею, которая меня волновала в тот момент.

ISBN 978-5-44-837371-8

© Руспаев К.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Планета-волчок	6
Плагат	8
Учительница литературы	15
Единокровный брат	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Планета-волчок
Рассказы и сказки
Кайркелды Руспаев

© Кайркелды Руспаев, 2017

ISBN 978-5-4483-7371-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Планета-волчок

Астронавт – контактор вздохнул и отвернулся. Его космолет только что покинул планету-волчок и устремился по обратному маршруту. Задание вроде выполнено, контакт со вновь открытой цивилизацией установлен. Но полного удовлетворения нет. Астронавт устроился поудобней и приготовился к великому скачку сквозь пропасть пространства. Сейчас он запустит программу релятивации, последует что-то вроде минутной дремы, забытья, после чего он откроет глаза и невольно zalюбуется неповторимым видом родной планеты. А пока он только отходит от того кошмарного калейдоскопа, коим оказалось пребывание на бешено вращающейся планете.

Нет, ни за какие коврижки он не вернется сюда! Пусть астросовет посылает кого-нибудь другого. С него достаточно и этого посещения. Нет, обитатели «волчка» оказались довольно милыми существами. Они встретили посланца другого мира с восторгом, устроили по этому поводу такое торжество, которого он нигде не удостоивался.

А потом пошло-поехало! Его возили по всему ихнему свету. Он посетил все их континенты, побывал во всех странах. Выступал на тысячах заседаний парламентов и ассамблей. Читал сотни лекции в студенческих аудиториях. Познакомился с кучей глав правительств, с легионом знаменитостей. Но устал он не от этого. Подобное происходило на всех вновь открытых обитаемых планетах, а их в его послужном списке не один десяток. Нет, это была обычная работа, утомительное, но неизбежное следование ритуалу контакта.

Но здесь, на планете-волчок, все эти перелеты, переезды, посещения и мероприятия проводились в таком бешеном темпе, ежеминутно прерываемые наступлением ночи, что голова шла кругом. Посудите сами – не успел, например, астронавт завязать разговор с очередным главой очередной страны, только-только подобрался до сути, – бац! – наступает обеденный перерыв и его ведут к очередному торжественному застолью, во время которого произносятся столько же громких, сколько пустых слов. Только после застолья и послеобеденного отдыха он попытается продолжить прерванный разговор, как его уже ведут: в музей, в святилище, на стадион, в театр или кино. Даже на дискотеку!

Ну, астронавт не прочь развлечься. Но только после трудового дня. И был бы день как день! Нет, он отказывается признавать за день это мимолетное видение между стремительным стартом местного светила с последующим безудержным полетом по небосводу, и внезапным падением за горизонт. И благо бы ночь была ночью! Не-ет! Только сопровождающие лица покинут его покои, пожелав счастливых сновидений, и он с наслаждением вытянется под одеялом и распрямит члены, предвкушая отдых, смежит веки, как тут же небо за окнами стремительно светлеет и нахальное светило вылетает из-за линии горизонта, словно запущенная из катапульты транспортная ракета. И астронавт вскакивает с не успевшей измяться постели и сломя голову бежит в ванную, чтобы успеть умыться к приходу очередной делегации, с которой он поедет на очередное мероприятие, в очередной район, город или страну. А там все будет как везде – торжественные речи, восславление его, как первого инопланетянина, посетившего их планету и награждения. Эти волчокотцы так любят награды, и, пожалуй, любят больше награждать, чем быть награжденными. Сейчас основной груз в багажном отсеке – это многочисленные мешки, набитые под завязку разного рода наградами – орденами, медалями, лентами и подвязками.

За время пребывания на планете-волчок астронавт имел два сеанса связи с председателем астросовета. Председатель требовал ответа на два вопроса – что конкретно сделано для

введения вновь открытой цивилизации в астросовет, и имеются ли у этой цивилизации проблемы вселенского масштаба? А что конкретного мог он сделать, если эти хозяева планеты-волчок не имеют времени для серьезного разговора! Весь свой сумасшедший день они заняты проведением запланированных мероприятий в честь его визита. Параллельно с этим каждый из них считает своим долгом поведать о местных традициях и обычаях, а то и пересказать, или, как у них это называется, стравить пару-тройку анекдотов. А не то и сплетни о знаменитостях подпустить. Так вот, на первом сеансе астронавт просил у руководства дополнительное время. Он по опыту знал – со временем шумиха вокруг его визита утихнет, и неизбежно наступят будни. Но, увы, мелькали дни за днями, астронавт уже смутно сознавал, куда и зачем его везут, кому представляют и с кем знакомят. Он лишь заученно повторял стандартные фразы приветствий и заверений, благодарил за оказанную честь и за очередную награду. И все!

Во время второго сеанса он попросту взмолился! Он униженно просил разрешения возвратиться, ссылаясь на пошатнувшееся здоровье, на то, что формально контакт состоялся, и на то, что если у волчкововцев возникнут проблемы вселенского масштаба, то они сами обратятся в астросовет. И председатель дал «добро» к отлету.

Астронавт нажал на кнопку релятиватора и напоследок оглянулся на голубую планету, все больше убегавшую от его корабля, стремительно наматывая на себя саму свою же орбиту. Астронавт еще раз вздохнул и прошептал странное название странной планеты: «Земля». Затем вновь повторил с расстановкой: «Зем-ля». А ведь он так и не успел выяснить у землян, что означает это слово...

Плагиат

*«... нет мысли маломальской,
которой бы не знали до тебя».*

Гете. «Фауст».

– Что здесь творится? Не кабинет, а проходной двор!
Секретарша стояла передо мной и растерянно улыбалась.
– Корлан, кто в мое отсутствие был в этом кабинете?
– Да что вы, Каир Зейнулович! Никого не было! – Корлан смотрела на меня невинными глазами. Это свидетельствовало о том, что она вот-вот обидится.
– А что случилось? Что-то пропало?
– Да. Стащили рукопись последнего рассказа.
– Который я вчера набирала?
– Именно! Какая оперативность! Вчера только набрали и распечатали, а сегодня рассказ красуется в Журнале.

С этими словами я бросил на стол перед ней Журнал со своим рассказом, опубликованным под именем некоего Айнаева К. З.

– Да, это тот рассказ, – подтвердила Корлан, пробежав глазами по первой странице, – Только заглавие другое. Кто этот Айнаев?

Я пожал плечами.

– Откуда мне знать! Одно точно – он вор.

– А где была рукопись? В столе?

– Нет, в сейфе.

– А как открыли?

Я вновь пожал плечами.

– Наверное, применили отмычки. Или сняли слепок с ключа.

– Но как?

Корлан начинала раздражать этим «как?».

– Вот я и пытаюсь узнать – как?!

– Не думаете же вы, что я...

Секретарша смотрела на меня честными глазами, и мне стало совестно. Я сказал:

– Все, иди, работай. А я подумаю, что можно сделать.

Но Корлан не ушла. Ей хотелось разобраться во всем до конца и попытаться вычислить вора. Она понимала, что подозрение падает на нее.

– Отмычки говорите? – сказала она, возвращая Журнал, – Но, ведь есть еще кодовый замок. Я, например, не знаю кода. Кто, кроме вас, знал его?

– Никто.

Кодовый замок моего сейфа был подобен замкам автоматических камер хранения. Я мог постоянно менять код, но никогда не делал этого – не было необходимости. Код был четырехзначным и я в самом начале выставил год своего рождения.

– Тогда я не понимаю, каким образом выкрали рукопись.

Корлан продолжала пытаться меня своими чистыми глазами, и я пожалел, что позволил себе подозревать ее. Я обратился к ней как можно мягче:

– Все-все! Я тебя не подозреваю. Извини, если обидел. Просто не сдержался – почти месяц трудился над этим рассказом, он не давал спать по ночам. Иди. Я позвоню в редакцию, может, там разъяснят ситуацию. Свяжусь с этим Айнаевым, заставлю опубликовать отказную.

Подам в суд, в конце концов! У нас есть черновик, так что я сумею доказать авторство. Кстати, принеси его, я заберу домой. Впредь придется менять код на сейфе каждый день.

Корлан ушла к себе, долго возилась там и вернулась обескураженная.

– Нет черновика, – промямлила она, – Он лежал в ящике стола. Я заперла...

– Ну, если смогли залезть в сейф с кодовым замком, то ящик стола для воров пустяки.

На Корлан больно было смотреть – так она казнилась.

– А у вас нет других черновиков? Вы же сказали, что месяц работали над этим рассказом.

На ее лице мелькнул проблеск надежды, но он погас, как только я ответил:

– Работа происходила в уме, а выложил на бумагу, когда все окончательно оформилось.

Надеюсь, текст в компьютере...

Корлан не дала договорить.

– Текста там нет, – «обрадовала» она, – Не понимаю, как влезли – у меня же пароль...

– М-да-а, – протянул я и добавил, желая ободрить ее, – Ладно, чего уж. Не переживай.

Подумаешь, рассказ. Сколько я их еще насочиняю. Просто будем бдительнее впредь.

Я отослал секретаршу и приступил к работе, отказавшись от намерения звонить в редакцию. Что я мог им предъявить? Ни рукописи, ни черновика. Ни текста в компьютере. Открыв сейф, чтобы достать кое-какие бумаги, я замер. «Пропавшая» рукопись лежала на своем месте. Не веря глазам, я взял ее в руки и, перелистав, убедился, что она цела, вся до последнего листа.

– Корлан! Корлан! – позвал я, и секретарша вбежала в кабинет, встревоженная пуще прежнего. Возможно, она решила, что пропало еще что-то. Наверное, у меня было глупое лицо, когда я протянул ей рукопись:

– Вот он... рассказ. Оказывается, не украли.

– Да?! Где вы его обнаружили?

– На своем месте, в сейфе, – отвечал я, растерянно улыбаясь.

– С чего вы вообще взяли, что рассказ украден?

– Я купил в киоске Журнал и наткнулся на свой рассказ. Бросился сюда – нет рукописи.

Я же обыскал сейф, не было!

Секретарша посмотрела на меня недобро, а я пробормотал:

– Значит, забрали только черновик...

Корлан положила рукопись рядом с Журналом и принялась сличать тексты. Я напряженно следил за ней, затем не выдержал и присоединился к ее занятию, остановившись за спинкой ее стула. Расхождений в текстах не было.

– Черновик, говорите? – сказала Корлан, взглянув на меня снизу вверх, – Но помнится, я, набирая с него, кое-что изменила.

Девушка смутилась под моим пристальным взглядом.

– Так... самую малость, – оправдывалась она, – Ну, некоторые слова... и пару предложений... Они показались мне не совсем удачными.

– Вот как! Я не знал, что моя секретарша еще и редактор по совместительству, – заметил я с изрядной долей иронии, возвращаясь на свое место. Корлан потупилась.

– Хорошо, – поспешил я переменить направление разговора, – Если выкрали черновик, который, как ты утверждаешь, не полностью совпадает с набором, то каким образом рассказ в Журнале оказался идентичным этому?

Я побарабанил по тоненькой кипе листов.

– Разве что вор исправил мои ошибки... и точно так, как это сделала ты.

И вновь Корлан окатила меня своим обиженно-расширенным взглядом.

– Каир Зейнулович, клянусь... – начала она, но я перебил ее.

– Не нужно клятв, Корлан. Я верю тебе. Ты тут ни при чем. Здесь поработал профессиональный взломщик. Только не сейфов. Взломали пароль в компьютере и скопировали текст.

А черновик прихватили, чтобы оставить нас без аргументов. Все ясно. Успокойся и продолжай работать. Нам нужно извлечь из случившегося урок.

Корлан вернулась к себе, а я, не в силах приступить к работе, долго сидел, держа рукопись в руках и не зная, что с ней теперь делать. Выбросить? Жалко.

«Компьютер обчистили, черновик забрали, – думал я, – Смогу ли я предъявить эти листы в качестве доказательства? Вряд ли. Но ведь есть же эксперты, возможно, они смогут подтвердить мое авторство, сравнив этот рассказ с другими моими произведениями».

Но я не очень на это надеялся, так как данный рассказ был написан в другом ключе, в новой для меня манере. И все же я позвонил в редакцию Журнала. Мне хотелось хотя бы поговорить с этим Айнаевым. Мне ответил ответсекретарь.

– Вы не могли бы сообщить координаты Айнаева? – попросил я.

– Кто вы? И что, собственно, вам нужно?

Я назвался.

– Мне нужно поговорить с ним о рассказе, опубликованном вашим журналом, – объяснил я. И заинтересовался:

– Кстати, когда вы получили рукопись?

– Третьего мая.

Я поблагодарил и положил трубку.

«Третьего мая! – недоумевал я, – Почти месяц назад. Как же так? Я тогда только начал обдумывать сюжет будущего рассказа. Ответсекретарь что-то путает, если только кто-то не зарегистрировал рукопись задним числом. И этот «кто-то» – сообщник Айнаева.

Я наведалься в редакцию, но там заверили, что записи в книге регистрации корреспонденции сфальсифицировать невозможно, и в качестве доказательства предъявили пакет, в котором и поступил к ним рассказ; на нем стояли почтовые штемпеля. Я вернулся домой и позвонил по телефону, который мне дал ответсекретарь.

Отозвался мужчина. Я спросил Айнаева.

– Айнаев слушает, – это было произнесено знакомым голосом, только я никак не мог вспомнить, кому же он принадлежал, – Что вы хотели?

– Я насчет рассказа, опубликованного в Журнале.

– Ну и как? Понравился? Или у вас есть критические замечания?

– Нет, – отвечал я сердито, – Я, собственно, не по поводу его содержания.

– Да? – удивился Айнаев, – Что же тогда интересует вас?

– Меня интересует, как вам удалось заполучить его!

– То есть?

– Вы сами участвовали в краже или вы – скупщик краденого?

– ?!

– Этот рассказ написал я, – продолжал я, – Два дня назад я передал черновик секретарше, она набрала текст, распечатала и вчера вечером передала распечатку мне. Сегодня, обнаружив рассказ в Журнале под вашим именем, я выяснил, что текста в компьютере нет, а черновик пропал. Я требую объяснений! Я был в редакции, – там утверждают, что к ним рассказ поступил третьего мая. Белиберда какая-то!

– Слушайте, кто вы?

Я представился, но видимо моя фамилия не произвела на телефонного собеседника никакого впечатления.

– Да, в начале месяца я отправил рукопись в Журнал, – подтвердил Айнаев, – Но это мой рассказ.

– Нет, мой! Я требую, чтобы вы публично отказались от него и публично принесли извинения! Иначе я подам в суд. У меня есть свидетель – моя секретарша.

Айнаев бросил трубку. Я позвонил вновь.

– Послушайте! – он заговорил с заметным раздражением, – Обратитесь к психиатру, или я обращусь в полицию.

– Вы наглец! – возмутился я, – Присвоили рассказ и еще смеете угрожать!

– Отстаньте! Не присваивал я ничего. Кто вы и откуда взялись на мою голову?

– Я вновь назвал свою фамилию. Айнаев повторил и сказал:

– Не знаю такого. Не слышал...

Чем очень возмутил меня. Я человек скромный, но тут не удержался.

– Как не слышали?! Я известный писатель. Во всяком случае, в нашей республике меня знают.

– Да? – интонации Айнаева свидетельствовали о том, что он не верит ни единому моему слову, – Может быть, может быть...

Я был уверен, что он готовится положить трубку и что теперь наверняка отключит телефон. Поэтому смягчил тон и попросил:

– Знаете что. Давайте встретимся и поговорим. Эта история кажется мне странной. Я, конечно, не верю вам, но работники редакции... все же солидное, уважаемое издание. Да и штемпеля почтовые на вашем пакете... давайте встретимся и во всем спокойно разберемся. Назовите свой адрес, я приеду сейчас же.

Айнаев замаялся. Думая, что он не хочет выдавать своего местожительства, я предложил:

– Или, если хотите, приезжайте вы ко мне. Я буду ждать вас снаружи, у подъезда.

Я назвал свой адрес и Айнаев согласился.

Ждать пришлось недолго. Возле моей машины припарковалась другая, как две капли похожая на нее. И, что поразило, номера совпадали. Правда, последняя литера у подъехавшей машины была другой. Но, когда вышедший из «Мерседеса» мужчина направился ко мне, я потерял дар речи – Айнаев словно был моим братом – близнецом.

Он тоже не смог скрыть удивления, взглянув на меня. Мое изумление удвоилось, когда на мое: «Каир Зейнулович» он отозвался эхом: «Каир Зейнулович».

– Значит, мы с вами тезки, – только и смог я произнести. Повисла продолжительная пауза, во время которой мы стояли, изучая друг друга.

Я опомнился и пригласил «двойника» в дом.

– Вы сказали, что я вор, – выслушав меня, сказал Айнаев, – А может, это вы пытаетесь присвоить чужое. Хотя я не понимаю, для чего это вам нужно. Посудите сами – вы утверждаете, что два дня назад изложили свой опус на бумаге. Даже если допустить, что его украли, какое издание не способно опубликовать его в такие сроки. Взгляните на дату сдачи Журнала в набор.

– Но, тем не менее, рассказ сочинил я! – не сдавался я, – Ночами не спал, совершенствуя каждую мысль.

– И что? – видимо Айнаев все больше утверждался в мысли, что перед ним душевно-больной, – Вы исключаете возможность возникновения дельных мыслей в чьей-либо голове, кроме вашей?

– Нет, конечно! Но рассказ в журнале – зеркальное отражение моей рукописи.

Я пододвинул Журнал и рукопись к своему визави. Тот некоторое время занимался сличением и вернул бумаги тем же путем.

– С чего вы взяли? – возразил он, – У вас совершенно другая манера письма. Правда, сюжет одинаков, и мысли совпадают...

Я рассердился, думая, что он издевается надо мной. Но, еще раз изучив тексты, должен был признать, что Айнаев прав.

«Что за чертовщина! – думал я, совсем сбитый с толку, – Ведь мы с Корлан установили, что рассказ и там, и тут совпадает слово в слово!»

Я растерянно уставился на Айнаева, а он скривился в ехидной улыбке.

– Существует разновидность маньяков, – выдал он, – Они переписывают чужие произведения и пытаются опубликовать, утверждая, что это они сочинили...

– Да вы что! – воскликнул я, – Я нормальный человек! Я писатель. Вот мои книги. Как вы можете не знать моего имени?

Достав тома из стоящего рядом книжного шкафа, я разложил их перед гостем. Тот с интересом перелистал книги, внимательно рассмотрел мой портрет на томике избранных повестей и рассказов.

– Вроде, вы, – неуверенно заключил он.

– Вот видите! – продолжал я наступать, – Я уважаемый писатель. Мною написаны несколько романов, десятки повестей и других произведений. Пристало ли мне претендовать на чужой рассказ?

Айнаев пожал плечами.

– Не знаю, для чего вы это делаете, но и я весьма популярен. Правда, у меня нет романов, зато есть научные труды; я опубликовал кучу статей в нашей и зарубежной периодике. И рассказ этот написал я. Ваши претензии неуместны. И ситуация эта идиотская. Если только не розыгрыш...

Он оглядел комнату, высматривая, нет ли где замаскированных видеокамер.

– Да нет, какие могут быть розыгрыши! – с досадой произнес я, – Ситуация и впрямь идиотская. Вы мне не верите, но я клянусь: этот рассказ сочинил я!

Айнаев взглянул на меня с большим доверием.

– Ребус, какой то, – сказал он, – И знаете, какой вывод напрашивается из всего этого?

– Какой?

– Невероятно, но придется признать, что мы, независимо друг от друга, сочинили один и то же рассказ. Только так можно объяснить случившееся.

Я в сомнении покачал головой.

– Да, в это трудно поверить, но такие случаи известны, – продолжал Айнаев, – Одно и то же изобретение или открытие совершали одновременно два человека. Раньше, когда не было единого информационного поля, ученые из разных стран почти одновременно публиковали схожие по содержанию труды, патентовали одинаковые изобретения.

Я внимательно слушал Айнаева, а он продолжал:

– И знаете, что я обо всем этом думаю? Что такое изобретение? Мне кажется верной следующая этимология этого слова: изобретение – обретение из... Из источника, который существовал всегда, и только редким счастливым удавалось напасть на него и... обрести. Любое открытие – всего лишь констатация явления или закономерности, которые существуют в природе, существовали всегда, скрытые до поры до времени от глаз людей.

Что происходит, когда кто-нибудь делает открытие? Этот «кто-нибудь» открывает свои, ну и, глаза других на то, что есть, что было, а не создано или придумано только что. Человек открывает дверь, за которой стоит Истина. Она стучалась ко многим, но другим было не до нее, лень, или недосуг приложить усилие к дверной ручке. Или к затычке лампы, в которой исстари томился дух. Другое дело, что дух этот чаще оказывался злым, нежели добрым.

Айнаев испросил разрешения курить и, достав сигарету, прикурил от массивной зажигалки. Затем поставил сверкающий никелем прибор на стол и усмехнулся, сделав легкий жест в его сторону.

– Вот вам пример, – продолжал он, пуская дым изо рта вперемешку со словами, – Ведь у этой вещи есть изобретатель. Вы не знаете его имени?

Я закачал головой.

– Ну, это неважно, – Айнаев взмахнул рукой, рассыпав табачный пепел по столу, – Изобретатель этот, возможно, гордился своим творением, а между тем, это известные всем кресало и промасленный трут.

– Может быть, – отозвался я и сделал попытку опровергнуть тезис, – Но нужно же было додуматься объединить эти составляющие и механизировать процесс!

– Да, конечно! Но он не создал ничего принципиально нового.

Айнаев сделал несколько затяжек, сощурился, видно глаза разьедал табачный дым.

– Все, о чем мы знаем, или не знаем, есть, и было всегда, существует со времен сотворения мира, – продолжал он, – Сколько веков прошло с тех пор, как Моисей передал людям Заповеди Божьи? Мыслители и поэты в течение столетий глубокомысленно повторяют их на все лады, повторяют, слегка приукрасив, переложив на свои слова, а мы восхищаемся ими, восторженно ахая, читаем и перечитываем гениальные строки, хотя это те же: «Не убий», «Не прелюбодействуй», «Не сотвори кумира...»

Он замолчал, а я сидел, обдумывая его слова. Тут вошла жена и нарушила ход моих мыслей. Она поприветствовала гостя и несколько дольше, чем того требовали приличия, задержала на нем свой взгляд.

– Мария, познакомься, это Каир Зейнулович, – представил я Айнаева жене.

И добавил, не удержавшись:

– Правда – мы сильно похожи?

Мария еле заметно кивнула. Она, должно быть, была занята усвоением увиденного и услышанного. Не часто, я полагаю, вы встречаете человека, так похожего на вашего мужа, да к тому же его полного тезку.

Айнаев привстал и галантно поцеловал руку жены.

– Мария? – переспросил он. И продолжал, опускаясь на свой стул:

– И тут я усматриваю определенное стремление к плагиату. Возможно, ваши родители, давая вам это имя, надеялись, хотя бы в глубине души, что их дочь уподобится Святой Деве и родит какого-нибудь нового Мессию.

Он засмеялся, но смолк, не встретив нашей поддержки. Но тут же заговорил вновь:

– Да и производя на свет простого, обыкновенного ребенка, мы не становимся его истинными творцами, так как используем не свой материал. Я имею в виду генетический. Он достался нам от других людей, пусть они и родители наши. И они, в свою очередь, не являются его собственниками.

Жена взглянула на Айнаева, как на сумасшедшего, и я поспешил отослать ее:

– Мария, а приготовь-ка нам чаю!

А после того, как она удалилась, заметил:

– Но новый Мессия может принести людям что-нибудь другое, нежели Иисус Христос.

Айнаев несогласно закачал головой.

– Возьмем пророка Мухаммада. Его учение мало чем отличается от учения Христа. И знаете почему?

Он выждал паузу и продолжал:

– Потому что, и тот, и другой передали людям не свое слово. Так же, как и всякий другой пророк, поэт или писатель. Вы задумывались над выражением «божий дар»? Гении и таланты пользуются подарком, сброшенным им сверху, и при этом воображают, что в обладании этой вещью есть их заслуга.

Вот возьмем нас. Чем мы оперировали, сочиняя свои рассказы? Правильно – языком, словом. А что такое слово? Это информация. А информация – она была всегда, еще до сотворения мира. И библейская истина «вначале было Слово» тому подтверждением. Мы, так называемые писатели, оказались проворнее других, раз сумели запустить руку в кладовую информации. Разложив ее по своему усмотрению и вкусу, показываем другим людям и гордимся, словно это мы ее создали. Наше с вами «творчество» – сплошной плагиат, ибо Творец один и есть только его Творчество. И Слово его существовало до появления Адама, до того как он произнес первые человеческие слова.

Явив соплеменникам крохотную часть этого Слова, то, что может поместиться в наших ничтожных душах, что под силу нашим несовершенным мозгам, мы самоуверенно надписываем своими именами. А вы: «Вор, скупщик краденого!».

Айнаев засобирался.

– Вам не стоит особо переживать, – сказал он напоследок, – Можете спокойно публиковать свой рассказ, немного отретушировав мысли, «упаковав» их в другую «тару». Уверяю вас, никто не заметит, что мы с вами написали об одном и том же. Прощайте!

Он уходил, и тут я заметил зажигалку на столе.

– Вы забыли свою зажигалку, – напомнил я, когда он уже был у порога. Его лицо отразилось на зеркальной поверхности двери, и мне показалось, что я смотрю на свое отражение. Я протянул гостю его вещь, но он не захотел возвращаться.

– Бросайте! – попросил он, готовясь поймать.

Я бросил сильно и неточно. Очнувшись от звона бьющегося стекла, я обнаружил, что Айнаев исчез, а среди осколков зеркала на полу валяется моя зажигалка.

Учительница литературы

*«Учитель – сколько надо любви и огня,
чтобы слушали, чтобы верили,
чтобы помнили люди тебя».*

Из песни.

Это был черный, гнусный день. Начался он с ЧП. Не успела Людмила Петровна переступить порог школы, как к ней подбежала секретарша и сообщила, что ее ждет директор.

– Что-то случилось? – насторожилась Людмила Петровна.

– Да, – сказала секретарша и добавила полушепотом, – Татьяна Николаевна зла, как барбос.

– Где она, у себя?

– Ага. Там еще милиционер.

Сердце екнуло. «Что могло случиться? – с тревогой спрашивала себя Людмила Петровна, быстро разоблачаясь и на ходу поправляя костюм и прическу, – Раз полиция здесь, значит что-то серьезное...

Ее опасения подтвердились. В ее классе учились три девочки, которых трудно было так называть – эдакие тетки акселератки. Веру, Надю и Махаббат мало кто звал по именам, кроме, конечно, учителей. В ходу были клички: «Три мушкетера», «Тройка борзая» и т. п. Кое-кто иронично именовал их «Вера – Надежда – Любовь».

Девчата были грозой школы, и многие ученики их откровенно побаивались. И даже, некоторые учителя. Особенно доставалось самой пожилой учительнице Галие Досовне, которая уже побывала в больнице с инфарктом. С ними не могла справиться сама Татьяна Николаевна, перед которой лебезила вся школа.

«Тройка борзая» была наглой до неприличия. На замечания дерзила, над угрозами смеялась. Людмила Петровна точно знала, что девочки курят, да те и не скрывали этого. На увещевания побережь здоровье отвечали:

– Наше здоровье – не ваше!

– Но от вас разит сортиром, извините за выражение! – не выдерживала учительница и слышала в ответ бесцеремонное:

– А вы не принимайте!

На переменах «мушкетеры» вызывающе дефилировали по самой середине коридора, не уступая дорогу и старшекласникам, поглядывая по сторонам, не зная, к кому придраться. Ученики старались убраться с их дороги, спрятав глаза, так как «борзые» часто прицеплялись с вопросом:

– Чё так смотришь?

И стоило больших усилий доказать, что вовсе «так» не смотрели. В противном случае не избежать разборок.

Еще девочки занимались вымогательством денег у учеников и учениц, и здоровенные лбы предпочитали раскошелиться, не рискуя ввязываться в конфликт, чреватый последствиями. Над непокорными «тройка» вершила жестокий суд – подкараулив в туалете, избивала до посинения, не стесняясь вламываться в мужской зал.

Короче, «Вера – Надежда – Любовь» терроризировала школу и за четыре года классного руководства Людмила Петровна убедилась в абсолютной неэффективности средств педагогики в борьбе с этим злом – девочки признавали только власть грубой силы. Обращались к родителям – бесполезно.

Мама Веры была вдовой с кучей ребятишек на руках, и она давно махнула рукой на старшую дочь, которая не стеснялась поднимать на нее руку. У Нади отец был криминальным авторитетом по достоверным слухам, и эти-то слухи и удерживали многих от применения силы к распоясавшимся девчатам. Людмила Петровна обратилась как-то к нему с просьбой приструнить дочь, так тот только довольно хохотнул:

– Ай да Надюха! Прирожденный лидер! Вся в отца.

Людмила Петровна возразила:

– Мы не против лидерства, но она вымогает деньги у учеников.

Чему авторитет не поверил.

– А вот этого не может быть! Мы даем ей достаточно денег на карманные расходы.

У Нади, а значит у ее подруг, действительно водились деньги, и дело было не в их нехватке. Девочки так самоутверждались, рэкет был признаком их могущества.

Что касается Махаббат, то она жила у бабушки – древней старушки, обращаться к которой не имело смысла.

Людмила Петровна чувствовала, что добром ситуация не разрешится, и молила Бога, чтобы эта троица быстрее покинула школу. Она решила, что постарается не допустить девочек в десятый, пусть после девятого идут в колледж, лицей или ПТШ, куда угодно! Лишь бы не видеть их наглых физиономий, презрительных улыбок, высокомерных взглядов.

В этом году в классе появилась новенькая. Лена была спортсменкой, лыжницей, и, по словам тренеров, подавала надежды. Нрава она оказалась независимого, да к тому же успела вкушать яду первых побед. Поэтому неудивительно, что с первых же дней возникли трения между ней и «тройкой борзых».

Нашла коса на камень! Лена и не подумала склонять головы. «Мушкетеры» каждый день провоцировали спортсменку, но Лена проявляла завидную выдержку и не поддавалась. Класс, да что там класс! – вся школа с интересом следила за обостряющимся противостоянием, и не нашлось никого, кто отважился бы поддержать новенькую.

И вот сегодня, с утра, не дав начаться занятиям, Вера, Надя и Махаббат подкараулили Лену в туалете и жестоко истерзали свою жертву.

Лена с многочисленными увечьями находилась в реанимации. На звонок Людмилы Петровны врачи ответили, что Лена может остаться инвалидом – опасно поврежден позвоночник. Веру, Надю и Махаббат заключили под стражу – они вернее всего отправятся в колонию для несовершеннолетних.

Все это обрушилось на Людмилу Петровну с утра. И до второй половины дня она пребывала в глубоком шоке. Была в полиции, заполняла какие-то бланки, писала объяснительные, характеристики на учениц, давала показания. Потом поехала в больницу.

Встретив убитых горем родителей Лены, сунулась с соболезнованиями, представившись классным руководителем, и тут же пожалела об этом. Не зная, как избыть навалившееся на нее горе, мама Лены набросилась на бедную учительницу, закатив такую истерику, что сбегался весь персонал. Женщина прожигала Людмилу Петровну ненавидящими глазами, терзала несправедливыми словами, пока безрезультатно пытавшийся успокоить ее муж не бросил яростно:

– Вам лучше уйти, разве не ясно!

Без ног приползла Людмила Петровна в свою холодную квартиру, имея одно желание – броситься лицом вниз на койку и забыться, забыться, забыться! Но недолго так пролежала. Зазвонил телефон и так упорно надрывался, что пришлось ответить.

Звонила мама.

– Люда, приезжай, – умоляла она, – Сил моих нет!

– Что там опять?! – с отчаянием в голосе справилась Людмила Петровна, хотя догадывалась «что». Олег, ее младший брат, мамин любимчик, стал ее проклятием. Нигде не рабо-

тает, пьет; сидя на маминой пенсии, умудряется каждый день гулять, – приводит «друзей» и «подруг» и устраивает шумные оргии, часто продолжающиеся до утра.

Людмила Петровна помчалась на другой конец города. В сизой от табачного дыма гостиной маминой квартиры расположилась пьяная компания, и нещадно матерясь, опорожняла пятую или шестую бутылку. Пустая тара валялась тут же под ногами.

Людмила Петровна с порога накинулась на выпивох. Один из собутыльников брата показался ей знакомым, но она никак не могла вспомнить, кто это. Парень пропустил мимо ушей слова разъяренной женщины и противным голосом сострил:

– А! Сеятель разумного, доброго, вечного! И как ваши посевы? По всему, забило сорняком...

Доведенная до белого каления учительница не сдержалась.

– Заткни свою пасть, ублюдок!

На что алкаш, пьяно улыбнувшись, произнес:

– Шедевр изящной словесности! Велик русский язык, да отступать некуда.

Буквально вытолкав компанию вместе с братом из квартиры, Людмила Петровна все-таки вспомнила остряка. Пять лет назад Азамат окончил школу с медалью, и учителя прочили ему великое будущее. Медалист уехал в столицу поступать, в университете с ним несправедливо обошлись, и он сломался. Запил, связался с дурной компанией, был осужден, и только недавно освободившись, вернулся в родной город. Людмила Петровна слышала об этой истории, но сейчас ее поразила метаморфоза, произошедшая с бывшей гордостью школы.

Думая, что это все, Людмила Петровна присела было на краешек стула, как ее слух уловил какие-то странные звуки, доносившиеся из комнаты брата.

– Что это? – спросила она у матери, уже начавшей прибираться. Изможденная невзгодами и замученная родным сыном старушка пробормотала:

– Был кабак, теперь стал домом терпимости.

Только тогда до Людмилы Петровны дошел смысл происходящего в соседней комнате. Возмущенная до глубины души рванула она дверь и замерла от открывшейся взгляду омерзительной картины – какой-то мужчина конвульсировал на миниатюрной женщине, макушка которой еле выглядывала из-за плеча ее партнера. Людмила Петровна попятилась, у нее не хватило духу поднять совокупающихся.

Те появились через некоторое время и без тени смущения взглянули на хозяйку и ее дочь. Людмила Петровна оторопела, когда рассмотрела «миниатюрную женщину». Ею оказалась дочь маминых соседей Юлия, которая училась в девятом классе.

– Ты! – выдохнула Людмила Петровна в лицо пьяного верзилы, – Ты знаешь, что будет с тобой, когда я заявлю в полицию? Да, я сделаю это, и ты надолго сядешь за соращение несовершеннолетней!

– Пожалуйста, – ехидно отвечал тот, – Но со мной сядет и ваш Олег – он побывал на ней передо мной.

И парень кивнул на девочку, которая была «в дупель» и мало что соображала. У Людмилы Петровны не нашлось слов.

«Что творится с нашими детьми? – мучительно думала она, возвращаясь затемно домой, – К чему наши усилия? Все напрасно!»

Она перешла к собственной персоне.

«Для чего я живу? Все, что я делаю – бег белки в колесе. Наверное, я с самого начала совершила ошибку, взявшись не за свое дело. По всему это так. И что теперь делать?»

Она не знала ответа.

В почти пустом автобусе тем временем назревал конфликт. Впереди, возле самой кондукторши, расположилась влюбленная парочка, и на виду у пожилой женщины парень лапал

свою подружку, залезая рукой и под юбку. Подружка только хихикала. Кондукторша сделала замечание, на которое парочка ответила хамством. Завязалась словесная перепалка. Молодые люди оскорбляли женщину, которая годилась им в матери.

Людмила Петровна терпела, терпела, и не утерпела. Она резко отчитала парня и девушку перед тем, как сойти на своей остановке. Парочка тоже сошла и двинулась следом. Людмила Петровна прибавила ходу, когда оказалась в неосвещенном переулке, с одной стороны которого тянулся пустырь.

Преследователи явно хотели настичь ее. Учительница побежала, проклиная себя за то, что не сдержалась и вошла в конфликт, который ее не касался. У нее не было сомнений насчет намерений «влюбленных». Задышавшись, она вбежала в свой подъезд и обернулась. Преследователи влетели следом и остановились, как вкопанные – это были опять же ее ученики!

– Людмила Петровна?! – удивились они и добавили, извиняясь, – Простите, мы не знали, что это вы.

– Какая разница кто? – только и смогла вымолвить их учительница, опускаясь без сил на нижнюю ступеньку лестничного марша.

Она долго сидела так. Услышав, что кто-то спускается, поднялась и побрела к себе. Войдя, упала в кресло, не зажигая света. В душе ее царил мрак. Ей стало до того неважно в этой холодной, темной и безлюдной квартире, что пришлось включить телевизор, чтобы хоть слышать человеческие голоса.

Шла трансляция вручения государственных премий. Людмила Петровна тупо уставилась на экран, где высокий чин вручал награды. Она подняла бровь, когда под юпитерами появился ее бывший ученик. Людмила Петровна сразу узнала его, хотя прошло столько лет. Данияр был не самым лучшим ее учеником и, несмотря на то, что писал неплохие сочинения, вызванный к доске, всегда что-то мямлил, отчего часто получал тройки. И вот, пожалуйста – госпремия по литературе!

После церемонии состоялась пресс-конференция.

– Скажите, кто был первым вашим наставником? – спросил нового лауреата корреспондент первого канала, – Вы можете назвать человека, оказавшего влияние на вас, толкнувшего к этой стезе?

– Да, – отвечал Данияр, глядя прямо с экрана, – Этот человек – учительница литературы Людмила Петровна.

– Говорят, вы получали тройки по этому предмету. Это правда?

Данияр кивнул и улыбнулся.

– Дело в том, что я был влюблен в свою учительницу и всегда терялся, когда она ко мне обращалась или вызывала к доске. Она не разделяла моих чувств и ставила тройки.

Людмила Петровна заплакала. Это был черный, гнусный день, но на его исходе в обледелую душу учительницы проник яркий, светлый луч и вмиг согрел ее.

– Неправда, – шептала Людмила Петровна, бессильная остановить потока из глаз, – Неправда! Я любила тебя. Я вас всех любила!

Единокровный брат

К 70 – летию Великой Победы!

Посвящается интернационализму, благодаря которому и был побежден нацизм.

Кровопролитный бой стих внезапно; может быть, короткая передышка. Обеим сторонам нужно перевести дух, собрать убитых, раненых, подкрепиться. Нашим собирать нечего – наши все тут, в окопах, в траншеях, и убитые, и раненые. Это противник ползает сейчас по нейтральной полосе, унося своих после неудавшейся атаки, но по неписаному закону войны наши пулеметы молчат.

– Рысбаев, оттащи Лаврова в медсанбат! – рявкнул командир и прошел, не задерживаясь, по своим бесконечным делам.

Что с другом?! Ведь еще минуту назад его пулемет бил не переставая. Я бросился за зигзаг траншеи и увидел уткнувшегося к своему оружию пулеметчика. Мгновение, и он осмотрен, вроде бы ничего, рана не смертельная – пулевое ранение, в грудь навылет. Перевязочный пакет разорван, тампон на входное отверстие, другой на выходное, быстрая, ставшая привычной перевязка; Лаврова на «горб» и, полусогнувшись, семеню в тыл.

Вот и медсанбат. Он расположен в глубокой и тесной расщелине, затянутой масксеткой и представляет собой ряд потрепанных и выгоревших палаток. Я прямо к операционной. Перед самой палаткой стоят носилки на каталках; я с облегчением скидываю на одни из них Лаврова и бросаю быстрый взгляд на его хмурое лицо. Обычное его выражение. Друг без сознания, но насколько я понимаю, дела его далеко не швах. Но нужно и поторопиться. И я ломлюсь со своей каталкой в «дверь» операционной. Оттуда высовывается усталое лицо санитаря.

– Воин, погоду минутку, – просит-приказывает он, отталкивая каталку, и я невольно пачусь.

Слышу возню сзади и оглядываюсь – какой-то крепыш волочет на себе здоровенного верзилу, подходит к другой каталке и насколько возможно бережно укладывает на носилки. Я успеваю подсобить, поддержав верзилу за плечи. Бросаю оценивающий взгляд... да-а, досталось ему. Тоже в грудь. Но она у него, видимо, попросту разворочена и теперь на ней высится многослойная повязка.

– Следующий! – слышится голос из палатки, и каталка крепыша успевает вкатиться чуточку раньше моей.

– Эй, земля! Куда без очереди?!

Я хватаю крепыша за плечо и резко дергаю назад. Тот поворачивается и, недолго думая, бьет меня в лицо. Удар не то чтобы нокаутирующий, но чувствительный. Я покачулся и устоял; сделал ответный выпад, но тут же должен был остановить свой кулак. Как трудно отвести чужой удар, но насколько трудней задержать свой собственный! Мой свирепый взгляд успел заметить что-то женское в задубелом от солнца и ветров лице крепыша.

– Баба?.. – пробормотал я, пропуская каталку с белокрысым верзилой с развороченной грудью. Верзилу приняли, а «крепыша» выставили. Она достала дрожащими пальцами папиросу из смятой пачки и отвернулась, закуривая. Я молчал. «Ох, и всыпал бы тебе по первое число, будь ты мужиком!», – сердито думал я, глядя ей в профиль. «Но ведь ее верзила плох, – оправдывал я ее минуту спустя, – Мой-то еще держится». Тем более, что Лавров уже очнулся и даже попытался улыбнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.